

ФИЛОСОФИЯ

УДК 167.7 + 930.1

ОБОСНОВАНИЕ ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В КОНЦЕПЦИИ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ О. М. МЕДУШЕВСКОЙ*

А. А. Аникина, А. С. Дьяченко

Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
lieda27@gmail.com; alekseydyachenko13@gmail.com

Аннотация. Цель статьи состоит в экспликации философских оснований концепции когнитивной истории О. М. Медушевской. Полагая поставленную Медушевской проблему обоснования истории как точного гуманитарного знания чрезвычайно важной, авторы статьи ставят задачу критически рассмотреть предложенную для ее решения концепцию. С этой целью анализируются основополагающие понятия когнитивной истории: интеллектуальный продукт, информационный ресурс и информационный магнетизм, сопоставляются опосредованный и непосредственный информационный обмен. В результате выявляются проблемные места концепции когнитивной истории, необоснованность понятия «информационный магнетизм» и сложность определения непосредственного информационного обмена. Авторы предлагают идеи, каким образом можно развить подход Медушевской с учетом полученных в последние десятилетия новых научных данных и концепций.

Ключевые слова: О. М. Медушевская, теория исторического знания, когнитивная история, интеллектуальный продукт, информационный магнетизм, информационный обмен, вещь.

Для цитирования: Аникина, А. А., Дьяченко, А. С. (2026). Обоснование достоверности исторического познания в концепции когнитивной истории О. М. Медушевской. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 2. С. 5-21. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.5-21.

THE RELIABILITY OF HISTORICAL KNOWLEDGE IN THE CONCEPT OF COGNITIVE HISTORY BY O.M. MEDUSHEVSKAYA*

A. A. Anikina, A. S. Dyachenko

Novosibirsk State University (Novosibirsk)
lieda27@gmail.com; alekseydyachenko13@gmail.com

Abstract. The aim of the article is to explicate the philosophical foundations of O. M. Medushevskaya's concept of cognitive history. Authors of the article consider the problem posed by Medushevskaya regarding the justification of history as an exact humanitarian science to be extremely important. So for authors set out to critically examine the proposed concept for its resolution. For this aim, to be analyzed the fundamental concepts of cognitive history: intellectual product, information resource, and information magnetism, and compare mediated and direct information

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01698 «История в контексте когнитивных наук».

* This work has been supported by the grants the Russian Science Foundation, RSF 24-28-01698 «History in the context of cognitive studies».

exchange. As a result, problematic areas of the cognitive history concept are identified, including the unfounded nature of the term “information magnetism” and the complexity of defining direct information exchange. The authors propose ideas on how to further develop Medushevskaya’s approach in light of new scientific data and concepts that have emerged in recent decades.

Keywords: O. M. Medushevskaya, theory of historical knowledge, cognitive history, intellectual product, informational magnetism, information exchange, thing.

For citation: Anikina, A. B., Dyachenko, A. S. (2026). The Reliability of Historical Knowledge in the Concept of Cognitive History by O. M. Medushevskaya. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 2. Pp. 5-21. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.5-21.

Проблема научности исторического знания

В связи с растущей значимостью обращения к прошлому теоретические проблемы обоснованности исторического знания не теряют своей актуальности. В условиях постоянно меняющегося мира и развития собственно научного знания решение этих проблем требует все новых и новых подходов. Тем не менее, максимально обобщая, можно сказать, что основной разлом все еще проходит между модернистской и постмодернистской историческими парадигмами или, как его обозначает А. В. Лубский, дихотомией «история как строгая наука vs нарративная логика историописания» [Лубский, 2013].

Многие исследователи признают радикальную трансформацию современного гуманитарного знания в результате лингвистического поворота и постмодернистской критики. В историописании это привело к переосмыслению базовых установок, к проблематизации вопросов «об основаниях исторической дисциплины, о содержании исследовательского процесса, достоверности получаемого знания, способах его репрезентации и восприятия читателем» [Историки в поисках..., 2019, с. 19]. При этом многие историки остались в стороне от этих изменений, работая в русле прежних модернистских установок [Там же]. С одной стороны, подобный консерватизм делает сам академический институт исторической науки устойчивым к бесконечным «поворотам», которые размывают его основы. С другой стороны, неспособность содержательно ответить на вызовы современности приводит к снижению авторитета собственно научного исторического знания в обществе¹.

В этих обстоятельствах концепция когнитивной истории О. М. Медушевской выглядит примечательным исключением. Во-первых, она не просто историк, а историк-архивист, т. е. это тот редкий случай, когда рассуждающий о теории специалист глубоко понимает самую суть, *hardcore* ремесла историка. Во-вторых, она отстаивает принципиально сциентистскую позицию, будучи при этом хорошо знакома с современными ей течениями и идеями, вызванными к жизни лингвистическим поворотом, выстраивая свои размышления в диалоге с ними.

Представляется, что разработка концепции научной истории с учетом современных проблем должна иметь большое значение. Тем не менее, судьбу идей Медушевской пока нельзя назвать вполне успешной. С одной стороны, многие авторы отмечают

---

¹ Причем ввиду все тех же трансформаций в обществе сама потребность в обращении к прошлому существенно возросла.

фундаментальную значимость разработанной ею концепции когнитивной истории [Круглый стол по книге О. М. Медушевской ..., 2010]. В частности, А. Н. Медушевский пишет о теории когнитивной истории как о «наукоучении, способном стать полноценным ориентиром для всех гуманитарных дисциплин, а главное – обеспечить доказательные критерии проверки достоверности получаемого знания, превратив историю в строгую и точную науку» [Медушевский, 2010, с. 227]. Такую же высокую оценку дает и И. В. Сабенникова [Сабенникова, 2010, с. 306]. Оба автора, говоря о теории когнитивной истории О. М. Медушевской, убеждены в том, что речь идет о появлении новой метанаучной парадигмы, способной стать полноценным ориентиром для всех гуманитарных дисциплин и обеспечить доказательные критерии проверки достоверности получаемого знания, превратив историю в строгую и точную науку [Медушевский, 2010; Сабенникова, 2013].

Отмечена концепция когнитивной истории и в работе коллектива ИВИ РАН под руководством Л. П. Репиной, чрезвычайно много сделавшего для разработки теоретических вопросов исторической науки. В коллективной монографии «Историки в поисках новых перспектив» (2019) Л. П. Репина отмечала, что работа Медушевской «носит подлинно новаторский характер, в том числе на уровне трансдисциплинарном» [Историки в поисках ..., 2019, с. 47].

При этом наблюдается некоторое противоречие: хотя рядом исследователей концепция когнитивной истории оценивается как новая парадигма гуманитарного знания, широкого влияния на исследовательскую практику она не приобрела². Авторам удалось найти лишь две работы, рассматривающие теоретические положения концепции Медушевской в контексте практики исторических исследований. Обе эти работы отмечают, что в приложении теории к практике исследований становится очевидна определенная абсолютизация рациональной интеллектуальной деятельности как историка, так и людей, действующих в истории [Миронов, 2011; Юдин, 2015]. По мнению известного историка Б. Н. Миронова, «практическое приложение общей методологии когнитивных наук к исторической» осталось исследовательницей не проработанным [Миронов, 2011, с. 148]. Тем не менее он высоко оценивает работу О. М. Медушевской как «научный подвиг», поскольку ее теория, во-первых, предлагает новую парадигму в науке, открывающую перспективы формирования доказательного гуманитарного знания, а во-вторых, «книга создавалась в советское время, то есть на протяжении почти семидесяти лет ее жизни была страшной ересью, за которую до 1953 г. грозил и арест, и ссылка, а до 1985 г. – исторжение из научного сообщества» [Миронов, 2011, с. 147].

Можно сказать, что, несмотря на свою значимость для гуманитарного знания, когнитивно-информационная теория Медушевской не получила должного внимания, о чем пишет и М. Ф. Румянцева: «... применение концепции в качестве методологической основы исторического исследования разработано в еще меньшей степени... мало осознана необходимость инструментализации применения концепции» [Румянцева, 2022, с. 61]. Возникает вопрос: почему сложился такой разрыв?

На наш взгляд, кратко можно обозначить три причины. Одну из них можно условно назвать институциональной: и предмет, и методология исторических исследований стали настолько разнообразны, что отдельным исследователям (а порой и коллективам) стало

---

² Сказанное нельзя отнести к источниковедческой работе Медушевской, которая получила однозначное признание в профессиональной среде.

трудно охватить все без исключения. Например, в фундаментальных трудах И. М. Савельевой и А. В. Полетаева работы Медушевской не упоминаются вовсе. Кроме того, в среднем интерес историков-практиков к вопросам теории и методологической рефлексии невелик³ (несмотря на ряд уже упомянутых выдающихся исключений и не только). С другой стороны, для философов работы Ольги Михайловны остались в стороне, поскольку, вероятно, авторам не удалось найти в них серьезного философского анализа.

Другой причиной, возможно, стало то, что Медушевская двигалась как бы против течения, против научного мейнстрима. Стиль ее рассуждений был слишком модернистским, подходы – слишком сциентистскими, а, как отмечает З. А. Чеканцева, «сегодня можно говорить об ослаблении сциентизма, который доминировал еще в 90-е годы» [Историки в поисках ..., 2019, с. 18]. Можно было бы сказать, что публикация идей О. М. Медушевской, которые складывались и разрабатывались в течение предыдущих десятилетий, запоздала. Однако сегодня, по мнению авторов, внимание к концепциям, предлагающим общие основания для чрезмерного разнообразия научных подходов, повышается.

Нельзя не сказать и о третьей возможной причине неоднозначного восприятия концепции О. М. Медушевской, а именно о внутренних противоречиях, проявившихся при решении такой масштабной задачи, как поиск твердых оснований для истории как строгой науки. Тем не менее, авторы воспринимают эти противоречия как приглашение к дальнейшим размышлениям, к работе над развитием парадигмы, предложенной Ольгой Михайловной, чему и посвящена данная статья. Авторы ставят перед собой задачу эксплицировать философские основания концепции когнитивной истории и проанализировать основные ее понятия.

Во введении к работе «Теория и методология когнитивной истории» О. М. Медушевская ставит проблему – это *проблема человеческого мышления* как особого феномена проявления человека в мировом универсуме [Медушевская, 2017а, с. 65]. Проблема человеческого мышления является центральной проблемой как для философии, так и для науки, для решения которой требуется взаимодействие наук о природе, жизни и человеке [Там же, с. 66]. Если говорить о науках, поставивших себе целью исследование человеческого мышления, то необходимо отметить сразу, что все они по отдельности ограничены своей экспериментальной базой и берут в качестве объекта лишь одну из сторон человеческого мышления, что препятствует достаточно полной репрезентативности, пусть даже когнитивистика и представляет собой междисциплинарное пространство наук. Но как раз именно история, по мнению О. М. Медушевской, является исключением из этого правила [Там же].

История как когнитивная наука

О. М. Медушевская полагает, что история имеет объектом своего рассмотрения весь человеческий род в его единстве и развитии в ходе *исторического процесса*, который представляет собой следующее: «время и место реализации человеческого мышления и поведения как универсального явления» [Медушевская, 2017а, с. 67]. То есть историей

---

³ Как отмечает Л. Б. Сукина: «Традиция отечественной историографии не требует от историка обязательной философской рефлексии по поводу собственного исследовательского метода» [Сукина, 2013. с. 31].

охватывается все человечество как по временному интервалу – от его появления и до наших дней, – так и по географическому расположению, включая все местности проживания представителей человеческого рода. Таким образом, только историческая наука имеет объект исследования, который, по О. М. Медушевской, удовлетворяет всем требованиям строгости⁴ науки и может стать междисциплинарным объектом, доступным для изучения различными когнитивными дисциплинами.

Отмечая широко обсуждавшиеся в конце XX в. проблемы гуманитарного знания (внутренний мир человека ненаблюдаем и подвижен, изучение поведения человека не дает представления обо всех его существенных свойствах; эксперимент и наблюдение возможны только фрагментарно; а в целом как будто происходит исчезновение реального объекта изучения, поскольку прошлое недоступно непосредственному наблюдению), О. М. Медушевская, тем не менее, пытается рассматривать историю в ряду всех других наук. С ее точки зрения, кроме указанных проблем, сложность, с которой сталкиваются науки о человеке, в отличие от наук о природе и жизни, заключается в определении объекта: насколько реально существующие люди реализуют свойства объекта «человечество», который и должен являться объектом изучения истории?

О. М. Медушевская следующим образом интерпретирует условия, при которых история может рассматриваться как стандартная (т. е. соответствующая тем же критериям научного познания, что и естественные науки) наука: 1) она имеет стабильно существующий объект; 2) наука история должна опираться на данные такого объекта, который охватывал бы человечество в целом (исторический процесс); 3) *объект должен отвечать главному условию – выразить системообразующее свойство феномена человека* [Медушевская, 2017а, с. 68]. Однако ввиду указанных выше сложностей исследователь не видит возможности приведения истории к такому образцу средствами современной ей философии и научной методологии.

Тогда О. М. Медушевская идет другим путем. Знание об истории она делит на следующие типы: *констатирующее, процедурное и теоретико-методологическое*. Последнее и выступает в качестве цели ее работы. Теоретико-методологическое знание она определяет следующим образом: *«является общим, оно опирается на те аспекты картины мира, которые не меняются, существуют независимо от конкретных ситуаций, эпизодов или событий»* [Там же, с. 69]. С другой стороны, для О. М. Медушевской это *«знание пути, который зависит прежде всего от цели движения и который намечается при условии предварительного знания общей конфигурации осуществления этого пути, с одной стороны, и наличия общих представлений о возможностях познающего субъекта – с другой»* [Там же]. Уточним, что для автора такие слова, как «метод» и «путь», в данном контексте являются синонимами.

Выстраивается следующая логическая цепочка: процедурное знание (конкретная методология) позволяет устанавливать знание констатирующее (факты), но оно ограничено, когда в науке происходят существенные изменения. Например, когда накапливаются источники, для которых еще нет предусмотренных процедур изучения, или когда возникают новые исследовательские вопросы, под которые еще не найдены необходимые эмпирические

---

⁴ Отметим при этом, что О. М. Медушевская руководствуется критериями строгости естественных наук, сложившимися в середине XX в. С тех пор ряд противопоставлений был если не снят, то смягчен ввиду признания роли наблюдателя и в естественных науках тоже, развития модальных логик и других характеристик постнеклассической науки. Тем не менее, даже с учетом подобного сближения, вопрос об основаниях научности исторического знания не снят.

данные. Тогда дальнейший поиск идет с опорой на теоретико-методологическое знание. Недостаток такого знания заводит историческую науку в тупик, оставляя ее перед нерешенными вопросами. Соответственно, развивая этот тип знания, полагает О. М. Медушевская, можно преодолеть тот тупик, в котором оказалась история.

Развивать теоретико-методологическое знание исследователь предлагает в рамках феноменологической парадигмы, как она была разработана Гуссерлем применительно к науке и Лаппо-Данилевским применительно к истории. Она отталкивается от тезиса Лаппо-Данилевского о «признании чужой одушевленности», который трактует как утверждение о том, «что существует универсальная связь человека с человеком, определенная возможность их взаимного понимания: единство сознания и его узнаваемость» [Медушевская, 2017а, с. 245].

Для разработки теоретико-методологического знания необходимо опираться на те аспекты картины мира, которые существуют независимо от конкретных ситуаций и эпизодов. О. М. Медушевская полагает, что возможно обнаружить общие и неизменные параметры человеческой деятельности, которые должны определять движение исторического процесса в его единстве и целостности. Далее она постулирует идею, что «вопрос о деятельности и есть вопрос о мышлении» [Там же, с. 70]. Таким образом, в центре внимания исторической науки должна быть человеческая деятельность как проявление способов человеческого мышления и поведения. Именно так история оказывается в пространстве когнитивных наук.

Процесс человеческого мышления О. М. Медушевская считает центральной проблемой для современной науки [Там же, с. 65]; для его изучения формируется междисциплинарное пространство когнитивных наук. Как считает исследователь, интегрирующая роль среди когнитивных наук пока не принадлежит ни одной из них [Там же, с. 70], поскольку эмпирический материал каждой из этих наук ограничен своей областью изучения и не охватывает всего человечества в целом. Для О. М. Медушевской только историческая наука способна, с одной стороны, рассматривать процессы человеческого мышления в их фундаментальных параметрах, а с другой – проследить динамику развития на протяжении всего исторического процесса [Там же, с. 81]. Эти качества и делают историю ключевой для развития когнитивистики.

В то же время получение знания о человеке в истории зависит от наличия эмпирического объекта. Таким объектом изучения выступает *интеллектуальный продукт*, представляющий собой проявление человеческого мышления в материальном мире, произведенное посредством направленной человеческой деятельности [Там же]. Он-то как раз и позволяет исследовать феномен человеческого мышления. Как пишет О. М. Медушевская, исследовать проблемы познавательных методов исторической науки возможно именно в рамках феноменологической парадигмы, которая рассматривает феномен человека как творца интеллектуального продукта [Там же, с. 82].

Интеллектуальный продукт

Концепция когнитивной истории строится О. М. Медушевской вокруг понятия «интеллектуальный продукт». Далее рассмотрим это понятие более подробно. В представлении автора интеллектуальный продукт может быть произведен только

человеком в силу его отличий от других живых систем. Можно сказать, что именно способность производить интеллектуальный продукт и есть ключевое свойство человека, которое она определяет как «живую систему, имеющую дополнительные (по сравнению с тем, что имеют другие существа) возможности» [Медушевская, 2017а, с. 81].

Общим свойством всех *живых систем* является наличие *информационного обмена*, но, как полагает О. М. Медушевская, у человека он может осуществляться по *особой схеме* [Там же, с. 84]. Информационный обмен как у человека, так и у других живых систем преобразовывает воздействия внешней среды в идеи и представления, чем и обуславливает поведение системы. Но человек добивается качественно нового типа преобразований и придает стабильную форму сохраненной информации в виде целенаправленно созданного материального объекта (интеллектуального продукта) [Там же]. Вот тут-то и проявляется *характерная особенность информационного обмена человека*, состоящая в том, что человек имеет возможность использовать в качестве дополнительного информационного ресурса не только свою память, но и информацию в ее материальном виде⁵.

Теперь рассмотрим более подробно сам процесс использования интеллектуального продукта в качестве дополнительного информационного ресурса. В последующем рассуждении понятия «вещь» и «интеллектуальный продукт» будут применяться как синонимы, вслед за О. М. Медушевской: «Будем называть вещи (далее) интеллектуальными продуктами» [Там же, с. 87].

В свою очередь, важным качеством более высокоорганизованных живых систем является и более сложно организованная *память*, определяемая как способность удерживать личный опыт, представляющий собой ощущения и представления об окружающей среде, в зафиксированном состоянии определенное время, что позволяет вновь его применять [Там же, с. 89]. По сути, память расширяет диапазон информационного обмена, что дает возможность наблюдать окружающий мир в его динамике. В то же время память имеет для живых систем свои ограничения, что заставляет эти системы в процессе естественного отбора вырабатывать различные способы преодоления этих ограничений. К примеру, подражание и научение представляют собой выработки модели рационального поведения, которая будет не только результатом личного опыта, но и восприятием чужой модели [Там же, с. 90].

Отметим несколько важных свойств интеллектуального продукта. Во-первых, создание интеллектуального продукта с целью его практического использования является результатом реализации индивида как социальной единицы. Безусловно, О. М. Медушевская рассматривает человека как существо не только биологическое, но и социальное: основные способности человека, такие как прямохождение, речь и определенные нормы разумности, позволяющие ему создавать интеллектуальные продукты, имеют генетическую основу, а их развитие происходит только в социальном окружении [Там же, с. 92].

Во-вторых, интеллектуальный продукт создается посредством деятельности. О. М. Медушевская определяет *деятельность* следующим образом: «специфически человеческий тип поведения, творческого поведения, в котором реализуются как когнитивные способности природного интеллекта индивида, так и способность создавать

---

⁵ В соответствии с современными представлениями о коммуникациях и сознании у животных такое жесткое противопоставление человека и других животных не является обоснованным. Но, по мнению авторов статьи, это не подрывает концепцию О. М. Медушевской: хотя животные тоже способны производить феномены, которые могут быть рассмотрены как интеллектуальный продукт, очевидно, что его свойства (в первую очередь сложность) у человека и животных существенно различаются.

интеллектуальный реализованный (материальный, технический по сути) продукт» [Медушевская, 2017а, с. 95]. Для О. М. Медушевской структурообразующим фактором здесь является творчество, которое и позволяет преобразовывать исходные материалы в интеллектуальные продукты [Там же, с. 98]. В процессе целенаправленной деятельности в саму структуру вещи закладывается информационный ресурс: замысел создателя (целеполагание), обстоятельства и информационное поле, в котором находился создатель. Сама же способность к такой деятельности является результатом реализации индивида как социальной единицы.

В первую очередь интеллектуальный продукт представляет собой материальную вещь, созданную человеком в процессе деятельности, то есть творческого поведения, имеющего определенную цель. Посредством человеческой деятельности в вещи фиксируется информационный ресурс, представляющий собой определенный объем информации, включающий в себя отражение как целеполагания его создателя, так и информационного пространства, в котором он находился. Фиксация информационного ресурса в интеллектуальном продукте всегда имеет определенную структуру, обусловленную структурой самой деятельности: «Наблюдая изделие, мы можем судить о цели, для достижения которой оно было создано. И, в свою очередь, мы можем логически вывести взаимосвязь этой цели с определенным видом деятельности, а затем, развивая ту же логику, представить себе параметры и конфигурацию той эпохи, в которой такая деятельность могла совершаться и приносить конкретные результаты» [Там же, с. 177]. Именно это позволяет извлекать зафиксированный в вещи информационный ресурс, поскольку, в представлении О. М. Медушевской, способность понимать язык вещей есть общечеловеческая универсалия [Там же, с. 121].

Есть риск интерпретировать данную установку слишком упрощенно, как будто определенной цели соответствует один способ ее достижения. Очевидно, что исследователь понимала деятельность во всей ее сложности и многокомпонентности, как сочетание ресурсов, доступных технологий, приоритетов, диктуемых уровнем развития общества, и прочих факторов. Именно способность интуитивно понимать структуру деятельности лежит в основе способности извлекать зафиксированный в вещи информационный ресурс.

Важно здесь то, что человек может не только зафиксировать информационный ресурс в виде интеллектуального продукта, но и раскодировать информацию, содержащуюся в нем, совершая тем самым *опосредованный* информационный обмен. Это и есть та особенность схемы информационного обмена, которая составляет системообразующее свойство феномена человека. Интеллектуальный продукт представляет собой материальную фиксацию информационного ресурса, т. е. существующий стабильно и доступный для повторного обращения объект. Соответственно, он может быть раскодирован другими людьми, помимо его создателя. Таким образом, интеллектуальный продукт является эмпирическим объектом, выполняющим условия для признания истории наукой в строгом смысле слова.

Опосредованный информационный обмен

Обратимся к понятию опосредованного информационного обмена, способность к которому, по мнению О. М. Медушевской, является человеческой универсалией. Это понятие, наряду с понятиями «интеллектуальный продукт», «деятельность»

и «информационный магнетизм», является основополагающим для ее концепции когнитивной истории. Однако при этом оно выглядит теоретически слабо проработанным и весьма уязвимым для критики, особенно в контексте современных когнитивных наук.

Информационный обмен автор понимает вполне в духе современной теории информации как способность любой системы взаимодействовать с окружающей ее средой, преобразовывая внешние воздействия в изменение своего поведения. При этом она разделяет непосредственный и опосредованный информационный обмен. Все имеющиеся в природе системы, в представлении О. М. Медушевской, осуществляют только непосредственный обмен живой информацией в акте коммуникации. И лишь человек способен к опосредованному обмену, который представляет собой обращение к некогда созданному кем-то информационному продукту, восприятие заключенной в нем информации без участия в акте коммуникации. «Человек – это живая система, обладающая уникальным свойством осуществлять опосредованный информационный обмен через целенаправленно создаваемые им интеллектуальные продукты» [Медушевская, 2017а, с. 91]. Различие живой информации и информации сохраненной для О. М. Медушевской является весьма существенным, поскольку именно данная способность становится системообразующей для понимания феномена индивида и социума [Там же, с. 85]. Но сегодня предложенное разделение не выглядит обоснованным.

Непосредственный обмен, по мнению О. М. Медушевской, может быть вербальным и невербальным; в свою очередь, предполагается, что опосредованный обмен может быть только невербальным, хотя она прямо на это не указывает. Но если мы устную речь зафиксируем в каком-либо виде, то это приведет к созданию интеллектуального продукта, каковой является условием опосредованного обмена. В то же время, теперь люди имеют возможность обмениваться записанными голосовыми сообщениями, что в концепции исследователя есть создание интеллектуального продукта, однако очевидно, что этот продукт как раз имеет целью сделать ситуацию общения как можно более непосредственной (и действительно делает).

Впрочем, возможно, не стоит абсолютизировать противопоставление опосредованного и непосредственного интеллектуального общения. Сама О.М. Медушевская отмечает (правда, несколько вскользь): «Каждая из этих двух познавательных ситуаций информационного обмена может и должна рассматриваться специально. ... Это отнюдь не означает, что их возможно рассматривать по отдельности» [Там же, с. 117]. В таком случае обоснованно будет предположить, что ситуация непосредственного интеллектуального обмена может рассматриваться как элемент или стадия опосредованного обмена. Например, О. М. Медушевская опирается на различие между «живой» информацией и фиксированной. В процессе непосредственного обмена «возникает подвижная, живая информация» [Там же, с. 116]. Но при этом изреченные слова тоже в некотором роде зафиксированы: доносящие их звуковые волны имеют строго определенную конфигурацию, услышавший их свидетель может их дословно повторить, они могут быть зафиксированы в его памяти.

Особенность схемы информационного обмена человека состоит, во-первых, во включении в нее интеллектуального продукта и, во-вторых, в раскодировании информационного ресурса, находящегося в интеллектуальном продукте. О. М. Медушевская объясняет способность к опосредованному информационному обмену врожденными свойствами, проводя аналогию с концепцией Н. Хомски о врожденной способности говорить. Другим обоснованием она считает некое, видимо, вполне биологическое или

физическое свойство информационного магнетизма. Таким образом, разграничение двух видов информационного обмена базируется на различии обстоятельств коммуникации, а понимание сути различий выносится в область биологии или когнитивных наук.

Сегодня мы довольно хорошо себе представляем, как происходит процесс восприятия информации, и с точки зрения нейронаук нет разницы между опосредованным и непосредственным информационным обменом, так как мозг и в том, и в другом случае имеет дело лишь с электрическими импульсами⁶. В некотором смысле любой информационный обмен может быть рассмотрен как опосредованный, поскольку представляет собой сначала фиксацию некоторого физического воздействия на органы чувств, а потом включаются процессы интерпретации: что из этого множества сигналов будет воспринято, а что отфильтровано, и как именно они будут осмыслены. Таким образом, в рамках методологии когнитивной истории любой информационный обмен следует рассматривать как опосредованный.

Возможно, разграничение между непосредственным и опосредованным обменом можно опустить как не имеющее большого значения для концепции когнитивной истории. Безусловно, с точки зрения когнитивных процессов есть большая разница, как именно мы воспринимаем информацию, но для целей обоснования возможности когнитивной истории важно, что информация в принципе имеет носитель. В таком случае ключевым различием, снимающим указанные противоречия, будет вопрос о том, зафиксирована ли информация на каком-либо носителе, внешнем по отношению к человеческому мозгу, поскольку именно возможность повторного обращения к ней другого субъекта является необходимым условием для информационного обмена. Как представляется, такое разделение более операционально для целей, поставленных О. М. Медушевской, чем полное спорных нюансов разграничение непосредственного и опосредованного информационного обмена.

Проблема языка в концепции О. М. Медушевской

Если же мы попробуем понять, как именно это различие работает применительно к деятельности человека (ведь способность к опосредованному обмену – это системообразующее свойство человека), то опять натолкнемся на проблематичность вводимого О. М. Медушевской разграничения непосредственного и опосредованного информационного обмена. Допустим, в представлении исследователя, разговор двух людей или даже обмен взглядами – это непосредственный информационный обмен, а обмен письмами – опосредованный. Но с точки зрения содержания информации они могут сообщать совершенно одно и то же и оказывать одинаковое влияние на поведение человека.

Посмотрим на еще один пример и попробуем разобраться, к какому типу информационного обмена с точки зрения О. М. Медушевской относится чтение книги? Поскольку непосредственный информационный обмен представляет собой обмен информационным ресурсом лицом к лицу, а опосредованный проходит через материальные

---

⁶ На полях еще заметим, что тут нет разницы не только между человеком и животным, но и между живыми и неживыми системами. Так, например, Умберто Эко в качестве минимальной ситуации коммуникации рассматривает обмен сигналами между двумя механизмами (датчиком уровня воды и регулирующим устройством). Кроме того, сегодня мы имеем множество примеров коммуникации между электронными устройствами и общения человека с ботами и искусственным интеллектом.

вещи, то очевидно, что чтение книги относится ко второму типу. Информация в письменном виде есть «прежде всего и всегда некоторое изделие, которое создано в соответствии с определенным замыслом» [Медушевская, 2017а, с. 133]. Как постоянно подчеркивает О. М. Медушевская, интеллектуальный продукт – это обязательно вещь. В таком случае, если строго следовать представлениям автора, при опосредованном информационном обмене человек получит один и тот же по своему объему информационный ресурс из одной книги, которая написана на понятном ему языке, и из другой книги, которая написана на непонятном ему языке. Если мы в качестве информационного ресурса рассматриваем книгу исключительно как вещь, то для нас предметом анализа будут ее обложка и страницы, материал, из которого они сделаны, цвет, размер, вес и так далее. Текст можно отнести к источникам информационного ресурса, но только лишь как внешнее оформление книги. Парадоксальным образом, смысл, который несет в себе напечатанный текст, не включается в анализ описываемого О. М. Медушевской процесса информационного обмена.

На этом примере проявляется одна из важных особенностей разработанной концепции. Свою главную задачу автор видит в том, чтобы вернуть историю от некоего абстрактного «прошлого», недоступного для исследовательских процедур, к изучению реальных эмпирических вещей. Несмотря на некоторые спорные моменты ее концепции, это большая заслуга Ольги Михайловны. Достойным внимания когнитивной истории она считает не столько тексты, сколько «эмпирическую реальность исторического мира» (таково название одной из ее статей [Медушевская, 2008]). Приведем еще одну значимую цитату: «... для историков главное – не текст, как для литературоведа. Их объект – историческая реальность» [Медушевская, 2017б, с. 505]. Историк извлекает из письменного источника информацию не тогда, когда он разбирает его на фрагменты, но когда, зная правила, исходя из понимания места этого источника в структурированном массиве интеллектуальных продуктов, он воссоздает исторический контекст и «извлекает информационный ресурс из наблюдения ситуации, в которой данный документ определенным образом фиксирует ресурс» [Там же, с. 519].

Понятно, почему О. М. Медушевская пренебрегает содержательной, текстовой стороной источников: после лингвистического поворота ей уделялось очень большое внимание, а увлечение языковыми играми затмило значение языка как посредника между сознанием и миром вещей. Тем не менее представляется, что пренебрежение вопросами содержания не усиливает концепцию когнитивной истории, а ослабляет ее. На наш взгляд, именно попытка остаться в рамках сугубо эмпирической реальности приводит к введению О. М. Медушевской таких сомнительных понятий, как «информационный магнетизм» и «информационная энергетика», проблематичность которых будет показана далее.

Описанная выше проблема может быть решена весьма просто: язык так же должен рассматриваться в качестве информационного ресурса. Язык является таким же интеллектуальным продуктом, как и, например, архитектура⁷. Понимание правил архитектуры, обусловленных как свойствами материалов, так и потребностями людей, позволяет исследователям извлекать интеллектуальный ресурс из раскопок городов и древних построек, позволяет восстанавливать исторический контекст их создания.

---

⁷ Безусловно, язык – это интеллектуальный продукт особого рода, поскольку он является не только результатом развития культуры, но и условием ее развития; тем не менее, это не отменяет того факта, что язык развивается интеллектуальными, творческими усилиями людей в процессе их деятельности.

Связь архитектуры и материального мира очевидна, тем не менее, правила архитектуры на самом деле не даны нам интуитивно, как О. М. Медушевская предполагала в отношении «языка вещей». Подобным же образом знание правил языка (существенно превосходящее его интуитивно доступные возможности) позволяет нам изучать именно эмпирическую реальность прошлого. Именно лингвистическая экспертиза позволила со всей убедительностью доказать подлинность «Слова о полку Игореве» и подложность «Велесовой книги». В то же время Фестский диск не может быть достаточно убедительно декодирован в качестве интеллектуального ресурса, поскольку остается неизвестным значение нанесенных на него символов.

Рассмотрение языка как информационного продукта может быть согласовано с материалистической трактовкой последнего в концепции О. М. Медушевской. Согласно современным данным когнитивных нейронаук, индивидуальное знание тоже предполагает наличие материального носителя, а именно сети нейронных взаимосвязей в мозге. Язык, у которого не остается ни носителей, ни текстов, к сожалению, утрачивается в качестве интеллектуального продукта.

Информационный магнетизм

Из-за стремления избежать включения в свою концепцию языка и выражаемых им смысловых конструкций, у О. М. Медушевской возникает проблема с объяснением, откуда у человека берется способность к извлечению информационного ресурса из вещей. Даже с учетом того, что это некое сущностное свойство человека, с одной стороны, возникает вопрос: за счет чего именно и как оно реализуется? А с другой стороны, очевидно, что не все способности, присущие человеку, автоматически реализуются у него с рождения. Для ответа на этот вопрос автор вводит понятия «информационный магнетизм» и «информационная энергетика». Информационный магнетизм определяется следующим образом: «естественное, интуитивное ощущение полезности информации (ощущение деятельного интереса), которое позволяет включить в формируемую картину мира те или иные информационные сигналы» [Медушевская, 2017а, с. 100].

Очевидно, что такое определение ставит больше вопросов, чем дает ответов. Допустим, если у двух человек возникают разные интуитивные ощущения относительно полезности той или иной информации, то, как они могут определить, чье ощущение достовернее? С усложнением деятельности, в которую повседневно вовлечен человек, эмпирическая проверка становится все проблематичнее. Так, интуитивные представления о полезности информации о процессах, связанных с глобальным потеплением, могут существенно различаться у разных людей, но проверить ее реальную полезность возможно только тогда, когда воздействовать на ситуацию будет уже очень сложно.

Как раз именно за счет такой способности, как информационный магнетизм, О. М. Медушевская объясняет возможность общения разных культур и цивилизаций, а также возможность более достоверного изучения прошлого за счет сохранившихся интеллектуальных продуктов, что как раз выглядит контринтуитивно. Данное автором определение информационного магнетизма подразумевает, что понимание происходит как бы само собой, в то время как очевидны те усилия, которые тратятся на исследования других культур, даже исторически близких. В качестве еще одного примера информационного

магнетизма О. М. Медушевская приводит ситуацию взаимодействия двух мастеров своего дела, которые, будучи хорошо знакомы со своей деятельностью, могут понимать друг друга без слов. Очевидно, что такая ситуация – скорее исключение, чем правило.

Информационный магнетизм объясняется О. М. Медушевской через целеполагание: интеллектуальный продукт имеет в себе отражение целеполагания создавшего его автора, а также отражает общую картину мира или информационное пространство, в котором находился автор интеллектуального продукта. В общем и целом «деятельность» и «информационный магнетизм» связаны друг с другом, а если точнее, то второе непосредственно становится возможным благодаря особенностям первого.

Удивительно, что в рамках возвращения истории к эмпирической реальности автор постулирует некое явление как «несомненно существующее, но недоступное эмпирической проверке» для обозначения «реальности информационной связи социума» [Медушевская, 2017а, с. 99]. По ее собственным словам, свойство информационного магнетизма она «рассматривает по аналогии с тем, как интерпретируется способность человека говорить и понимать язык другого человека» [Там же, с. 174], в то время как данные способности вполне доступны эмпирической проверке и активно изучаются.

Тем не менее важность идеи, которую О. М. Медушевская попыталась выразить таким экстравагантным способом, очень велика, а именно: это идея о «реальности информационной связи социума» и о единой структуре доступного человечеству информационного ресурса. Можно было бы сказать, что под информационной связью имеется в виду то, что обычно называется картиной мира, но это не совсем так. Картина мира отсылает опять к описательным стратегиям и является скорее знаком или репрезентацией информационных связей социума. Можно сказать, например, что картина мира древних обществ описывается в их мифах, хотя это очень общее описание, в повседневной деятельности людей наполняющееся куда более детальными представлениями, которые и составляют информационное поле социума. Реальность такой информационной связи действительно очень трудноуловима, поэтому попытки выразить ее хотя бы каким-то способом, начать исследовать ее и описывать сами по себе имеют большое значение⁸.

Концепцию когнитивной истории несложно дополнить более современным подходом к информации, поскольку О. М. Медушевская учитывает роль культуры и общества в информационном обмене. Так, человек получает способность к созданию интеллектуальных продуктов и раскодированию находящегося в интеллектуальном продукте информационного ресурса в процессе социализации. В таком случае, как бы ни понималась информация, какие бы ни были стратегии взаимодействия между людьми, субъект овладевает ими в процессе освоения достижений культуры, свойственной обществу на том или ином этапе развития. И здесь нет необходимости во введении загадочного информационного магнетизма: в рамках социализации у человека формируется примерно схожее информационное пространство с той группой, в которой он социализировался, – общая сетка базовых понятий. И за счет этого человек способен понять, какой смысл может

---

⁸ Здесь можно упрекнуть авторов в том же самом безапелляционном постулировании реальности неких неуловимых информационных связей, но здесь мы опираемся на существующие подходы. Уже многие годы идут попытки обозначить это явление каким-то образом: предлагались концепции менталитета, духа времени, культурного кода, но все они пытаются уловить в реальности некоторую конфигурацию информационных связей социума.

нести в себе тот или иной символ, форма вещи, цвет и тому подобное. В этом ключе не совсем понятно, как работает информационный магнетизм по отношению к интеллектуальным продуктам, созданным в других группах, с информационным пространством, отличным от того, в котором социализировался человек.

В целом можно сделать вывод, что, несмотря на стремление к строгой научности, О. М. Медушевской приходится нередко опираться на допущения, просто постулируемые, а не выводимые из уже имеющихся научных данных. Таковыми являются, например, разделение опосредованного и непосредственно информационного обмена, выведение деятельности исключительно из мышления, утверждение о существовании информационного магнетизма. Мы видим и иное фундаментальное противоречие в концепции О. М. Медушевской в том, что она подходит к информации только как к выводимой из эмпирических данных, в то время как информация – это некий умопостигаемый порядок отношений, который, безусловно, реализуется материально, но может быть выведен аналитически. Собственно, об этом говорит и пример структурной лингвистики, на который исследователь неоднократно ссылалась.

Тем не менее, изложенные в статье противоречия не приводят к отрицанию концепции когнитивной истории, предложенной О. М. Медушевской. Наоборот, отказ от одностороннего понимания информации усиливает феноменологическую парадигму методологии истории, расширяя пространство для ее использования. Но признание неразрывного единства материальной реализации и информационной составляющей в интеллектуальном ресурсе, что создает условия для принципиальной познаваемости мышления и деятельности, породивших этот ресурс, – это, безусловно, твердое основание для построения строгого научного исторического знания.

Взгляды О. М. Медушевской имеют очень большое значение в современной ситуации. Сегодня можно видеть, как идеи, уже несколько десятилетий назад высказанные учеными и философами, теперь реализуются в культуре в целом в самых крайних своих проявлениях. Чрезмерное увлечение текстовой стороной знания в ущерб эмпирическим данным в настоящее время привело к информационным войнам, в которых человеку, не овладевшему в достаточной мере интеллектуальным ресурсом человечества, никак не разобраться. Применительно к обращению с прошлым сегодня говорят о войнах памяти и войнах нарративов, когда у их участников складывается впечатление, что достаточно только описать реальность иным образом – и она изменится. Однако сопротивление функциональных связей реальных вещей, необратимых процессов, естественных ограничений среды, которые могут быть выявлены либо эмпирически, либо на основе обобщения наличных данных, рано или поздно разрушит произвольные описания. О. М. Медушевская подчеркивала: «Передать реальность с помощью языка невозможно. Весь объем отношений языка и реальности не охватывается в рамках языковой системы и речевой деятельности» [Медушевская, 2017а, с. 293]. Концепция О. М. Медушевской все еще имеет большое значение, поскольку в ней показаны пути, каким образом мы можем сделать наши представления о мире более полными и разделить их с другими людьми, вместо того чтобы замыкаться в произвольных описаниях. Мы же в представленном анализе предложили развить концепцию когнитивной истории, сделав ее в полной мере когнитивной, т. е. способной работать не только с материальными вещами, но и со смыслами, которые в реальности (и О. М. Медушевская это не раз подчеркивала) тесно соединены.

Список литературы/ References

Историки в поисках новых перспектив. (2019). Ред. З. А. Чеканцева. М.: Аквилон. 416 с.
Chekantseva, Z. A. (ed.). *Historians in Search of the New Perspectives.* (2019). Moscow. 416 p.
(In Russ.)

Круглый стол по книге О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории». (2010). *Российская история.* № 1. С. 131-165.

Roundtable Discussion on O. M. Medushevskaya's book "Theory and Methodology of Cognitive History". (2010). *Russian History.* No. 1. Pp. 131-165. (In Russ.)

Лубский, А. В. (2013). История как строгая наука vs нарративная логика историописания. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* Т. 44. С. 53-61.

Lubsky, A. V. (2013). History as Pure Science vs the Narrative Logic of Historiography. *Dialogue With Time. Intellectual History Review.* Vol. 44. Pp. 53-61. (In Russ.)

Медушевская, О. М. (2008). Эмпирическая реальность исторического мира. *Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX науч. конф. (г. Москва, РГГУ, 2008).* Ч. 1. С. 24-34.

Medushevskaya, O. M. (2008). The Empirical Reality of the Historical World. In *Auxiliary Sciences of History – Textology – Methodology of History in the System of Humanities.* Proceedings of the XX Scientific Conference (Moscow, RSUH, 2008). Pt. 1. Pp. 24-34. (In Russ.)

Медушевская, О. М. (2017а). Теория и методология когнитивной истории. *Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Философия истории и теория исторического познания.* М.; Берлин: Директ-Медиа. С. 65-418.

Medushevskaya, O. M. (2017a). Theory and Methodology of Cognitive History. In *Collected Works. In 4 vols. Vol. 1. Philosophy of History and Theory of Historical Knowledge.* Moscow; Berlin. Pp. 65-418. (In Russ.)

Медушевская, О. М. (2017б) Методология истории как строгой науки. *Собрание сочинений в 4 т. Т. 1: Философия истории и теория исторического познания.* М.; Берлин: Директ-Медиа. С. 481-505.

Medushevskaya, O. M. (2017b) Methodology of History as a Strict Science. In *Collected Works. In 4 vols. Vol. 1. Philosophy of History and Theory of Historical Knowledge.* Moscow; Berlin. Pp. 481-505. (In Russ.)

Медушевский, А. Н. (2010). Когнитивно-информационная теория в социологии, истории и антропологии. *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты.* № 1. С. 226-250.

Medushevsky A.N. (2010). Cognitive-Informational Theory in Sociology, History and Anthropology. *Man: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. No. 1. Pp. 226-250. (In Russ.)

Миронов, Б. Н. (2011). Новая апология истории (размышления над книгой О. Медушевской). *Общественные науки и современность*. № 1. С. 139-148.

Mironov, B. N. (2011). A New Apology for History (Reflections on O. Medushevskaya's Book). *Social Sciences and Contemporary World*. No. 1. Pp. 139-148. (In Russ.)

Румянцева, М. Ф. (2009). Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с. 1500 экз. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. № 4. С. 294-299.

Roumyantseva, M. F. (2009). Medushevskaya O. M. Theory and Methodology of Cognitive History. Moscow: RGGU, 2008. 358 p. 1500 copies. *RSUH / RGGU Bulletin. Series: Literary Criticism. Linguistics. Cultural Studies*. No. 4. Pp. 294-299. (In Russ.)

Румянцева, М. Ф. (2013). Концепция когнитивной истории Ольги Михайловны Медушевской: приглашение к дискуссии. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Т. 44. С. 6-15.

Roumyantseva, M. F. (2013). The concept of cognitive history by Olga Mikhailovna Medushevskaya: An Invitation to Discussion. *Dialogue with Time. Intellectual History Review*. Vol. 44. Pp. 6-15. (In Russ.)

Румянцева, М. Ф. (2022). Концепция когнитивной истории Ольги Михайловны Медушевской: итоги / перспективы. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. Т. 44. № 6. С. 60-66. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.808.

Roumyantseva, M. F. (2022). Olga Mikhailovna Medushevskaya Concept of Cognitive History: Results / Prospects. *Proceedings of the State Petrozavodsk University*. Vol. 44 No. 6. Pp. 60-66. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.808. (In Russ.)

Сабенникова, И. В. (2010) Теория исторического познания: избранные произведения. Круглый стол по книге О. М. Медушевской. *Вестник архивиста*. № 4. С. 303-311.

Sabennikova, I. V. (2010). The Theory of Historical Knowledge: Selected Works. Round Table on the Book by O. M. Medushevskaya. *Herald of an Archivist*. No. 4. Pp. 303-311. (In Russ.)

Сабенникова, И. В. (2013). Теория когнитивной истории О.М. Медушевской и антропологический метод в современном гуманитарном познании. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Т. 44. С. 44-52.

Sabennikova, I. V. (2013). O. M. Medushevskaya Theory of Cognitive History and the Anthropological Method in Modern Humanitarian Research. *Dialogue with Time. Intellectual History Review*. Vol. 44. Pp. 44-52. (In Russ.)

Сукина, Л. В. (2013). Философская герменевтика и «возвращение» субъекта когнитивной истории. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Т. 44. С. 26-33.

Sukina, L. V. (2013). Philosophical Hermeneutics and the “Return” of the Subject of Cognitive History. *Dialogue with Time. Intellectual History Review*. Vol. 44. Pp. 26-33. (In Russ.)

Юдин, К. А. (2015). Когнитивная история и применение информационно-когнитивного подхода к истории сталинизма в новейшей историографии. [Электронный ресурс]. *На пути к гражданскому обществу*. № 3 (19). URL: <https://s.esrae.ru/goverment/pdf/2015/3/351.pdf> (дата обращения: 12.04.2026).

Yudin, K. A. (2015). Cognitive History and the Application of the Information-Cognitive Approach to the History of Stalinism in Modern Historiography. [Online]. *Towards a Civil Society*. No. 3 (19). Available at: <https://s.esrae.ru/goverment/pdf/2015/3/351.pdf> (Accessed: 12 April 2026). (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Аникина Александра Борисовна – кандидат философских наук, преподаватель Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, e-mail: lieda27@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5713-3168>.

Дьяченко Алексей Сергеевич – магистрант, лаборант Лаборатории анализа и прогнозирования интеграционных процессов Евразии, г. Новосибирск, ул. Пирогова 1, e-mail: alekseydyachenko13@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 10.04.2026

После доработки: 18.05.2026

Принята к публикации: 29.05.2026

Anikina Alexandra – Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer at Novosibirsk State University, Novosibirsk, Pirogova Str., 1, e-mail: lieda27@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5713-3168>.

Dyachenko Aleksey – Master's student, Laboratory Assistant, Laboratory for Analysis and Forecasting of Eurasian Integration Processes, Novosibirsk, Pirogova Str., 1, e-mail: alekseydyachenko13@gmail.com.

The paper was submitted: 10.04.2026

Received after reworking: 18.05.2026

Accepted for publication: 29.05.2026